

Город который ошибся погодой

Круглик Евгений

Евгений Круглик

Город который ошибся погодой

«Автор»

2025

Круглик Е.

Город который ошибся погодой / Е. Круглик — «Автор», 2025

Это история о манипуляторе, который впервые ставит в центр не собственную безопасность, а тех, «кто не выбирал эту игру». Роман соединяет атмосферный офисный триллер и социальную драму города, где на карте появляются красные точки — следы решений, принятых людьми, никогда не видевшими тех, чьи жизни они вычеркивают. Это книга о власти без ответственности, цене промедления и о том, может ли человек, годами переписывавший чужую правду, выдержать, когда ему самому приходится рассказать правду до конца.

© Круглик Е., 2025

© Автор, 2025

Евгений Круглик

Город который ошибся погодой

Утро началось с того, что город опять ошибся с погодой. Он оделся в чёрное, как всегда, – будто собирался на похороны, хотя давно научился хоронить людей без церемоний. В холле было тепло, слишком яркий свет бил в глаза. Девушка на ресепшене по привычке посмотрела на него чуть дольше, чем на остальных. Он кивнул ей – ровно настолько, чтобы это можно было принять и за приветствие, и за ничего.

– Вы опять рано,

– заметила она.

– Опоздал,

– ответил он спокойно.

– Десять минут назад мне уже должны были вынести мозг. Это была первая ложь за день.

Ему никто не звонил, никто не ждал его «срочно». Но тон, с которым он это сказал, и лёгкая усталость на лице сделали своё дело: девушка виновато посмотрела на часы, будто именно она была причиной его несуществующего конфликта. Он прошёл дальше, отмечая, кто уже на месте. Дверь бухгалтерии приоткрыта, в переговорке горит свет, у окна курит водитель, делая вид, что прячется. Мир, в котором он жил, был прост: люди делали то, что привыкли, и верили в истории, которые сами себе рассказывали. Его работа состояла в том, чтобы иногда менять им текст. В кабинете его встретил запах вчерашнего кофе и папка на столе. Толстая, с цветными стикерами по бокам – кто-то постарался показать важность. На обложке – знакомое название фирмы. Контракт, который все хотели получить, но никто не хотел отвечать, если что-то пойдёт не так. Он сел, провёл пальцем по корешку папки, как по позвоночнику животного, и поймал себя на мысли, что снова улыбается. Не снаружи – внутри. Телефон в кармане дрогнул. Сообщение: «Сегодня придёшь? Они ждут тебя. Кот тоже». Он на секунду задержал взгляд на экране, потом положил телефон экраном вниз. Там, где были «они» и «кот», не нужно было врать. Именно поэтому он не спешил туда

– правда требовала больше сил, чем любая тщательно продуманная ложь. В дверь заглянул коллега, вечно суетящийся, с папками в обеих руках:

– Слушай, выручай. Мне сказали, ты уже всё согласовал по этому тендеру, верно? Он поднял глаза, задержал взгляд ровно на ту долю секунды, когда человек начинает сомневаться в собственной памяти.

– Конечно,

– сказал он мягко.

– Мы же ещё на прошлой неделе всё обсудили. Ты, я и Петрович. Помнишь, он тогда ругался на сроки? Коллега поморщился, пытаясь вытянуть из памяти несуществующий разговор. Имён и деталей было достаточно, чтобы мозг сдался.

– А, да... да, точно,

– выдохнул тот.

– Слушай, если спросят, скажи, что это по твоей схеме. Ты же всё равно лучше объяснишь.

– Скажу,

– кивнул он.

– Не переживай. Когда дверь закрылась, он аккуратно открыл папку. Теперь это действительно было «по его схеме». Достаточно лишь чуть подправить цифры, пару формулировок, одну подпись – и решение, которое ещё не принято, задним числом станет «разумным и един-

ственно возможным». Он любил такие моменты. В них не было ни угроз, ни криков, ни грубой силы. Только бумага, слова и чужая уверенность, что всё идёт как обычно. За стеклом кто-то смеялся, кто-то спорил по телефону, кто-то жаловался на курс валют. Мир жил своей простой жизнью, не замечая, что внутри аккуратной чёрной папки сейчас переписывается сразу несколько чужих будущих дней. Он посмотрел на часы. До того места, где его ждали «они» и кот, можно было доехать за двадцать минут. До момента, когда эта папка начнёт менять чужие маршруты навсегда, оставалось чуть больше. Он выбрал, с чего начать.

К вечеру город стал мягче. Свет в окнах размазался по лужам, и чёрное пальто перестало выглядеть как броня – просто тёплая ткань между ним и прохладным воздухом. Он свернул с шумной улицы во двор, который знали только те, кому действительно надо. Старая вывеска над дверью читалась плохо, буквы стерлись, но он и так помнил их порядок. Ему она давно уже была не нужна. Дверь открылась с привычным скрипом. Запах ударил сразу: сухой корм, чуть влажный пол, тепло тел и тихое мурчание, вперемешку с едва слышным лаем из дальнего помещения. Здесь всегда пахло по-настоящему. Без фильтров, без кондиционеров, без попытки быть лучше, чем есть.

– Он пришёл,

– констатировал чей-то голос. Не вопрос, не радость – факт, который просто встал на своё место. Женщина средних лет, в выцветшей толстовке, мельком глянула на него из-за ряда клеток и уже переключилась на миски и списки. Она не спрашивала, как дела, не интересовалась, «чем он занимается». Ей было достаточно, что он приходит. Кот выбрался из своей лежанки без всякого пафоса. Большой, с помятым ухом и взглядом существа, которое видело слишком много человеческой глупости. Подошёл, потёрся о его ногу, как о мебель.

– Привет,

– сказал он.

Здесь это слово всегда звучало тише. Он опустил на корточки, чувствуя, как тянется пальто, и провёл рукой по шерсти. Кот не спрашивал, соврал ли он сегодня кому-нибудь. Не интересовался, кто подпишет ту папку на столе. Его волновало только, придёт ли еда вовремя и не исчезнет ли тот, к чьим рукам он уже привык.

– Опять пропал на неделю,

– буркнула женщина, проходя мимо с коробкой.

– Они тебя всё равно помнят. Удивляюсь иногда.

– Я был занят,

– автоматически ответил он.

Здесь эта фраза звучала пусто. Никому не было дела до его «важных дел». Он чуть усмехнулся: в офисе достаточно одного уверенного предложения – и реальность смещается. Здесь слова почти ничего не стоили. Он взял пакет корма, привычным движением начал наполнять миски. Движения были простые, почти механические, но именно в их простоте было что-то, чего не было ни в одном его плане. Здесь никто не назначал виноватых и не подписывал приказы. Если миска пуста – это факт. Если животное болеет – это тоже факт. Либо делаешь, либо нет.

– Как там твой... умный мир?

– спросила женщина, не глядя. Она всегда так говорила – «умный мир», в котором крутятся документы, цифры и люди в чистой одежде.

– Жив,

– пожал он плечами.

– Всё по плану.

Она хмыкнула, будто слышала лёгкую фальшивую ноту, но спорить не стала. Здесь не было допросов. Кот забрался к нему на колени сам, без приглашения. Устроился, как будто в этом и был смысл всего вечера. Тяжёлое тело, тёплое, уверенное в своём праве лежать, где

удобно. Осторожные когти, которые не царапают, а просто напоминают: «я тоже живой». В этот момент он поймал себя на странной мысли: здесь он не режиссёр и не кукловод. Если он уйдёт на месяц, мир офиса перестроится, найдёт других, кто будет заполнять пустоты. Если он исчезнет отсюда надолго, какой-то кот просто не дожждётся того самого человека, к чьему голосу уже привык. Ответственность без власти. Чувство, которого он всегда избегал.

– Ты ведь всё равно уйдёшь,

– как будто коту сказала женщина, раскладывая лекарства по полкам.

– Такие, как ты, здесь надолго не остаются. Слишком много видят. Он не ответил. Ему вдруг показалось, что в её словах есть точность, к которой он сам ещё не готов. Телефон в кармане снова завибрировал – рабочие уведомления, чаты, напоминания. Он выключил звук, не глядя на экран. Здесь, среди клеток, старых пледов и животных с разной судьбой, его ложь не имела веса. И именно поэтому это место было единственным, где он чувствовал не власть, а что-то гораздо более опасное – возможность стать настоящим. Кот тяжело вздохнул, устраиваясь удобнее. Он аккуратно почесал его за ухом и впервые за день поймал себя на том, что не придумывает никакой истории – ни для себя, ни для других. Просто был.

Папка уже стала частью интерьера. Она лежала на столе так давно, что казалось – была здесь всегда. Он подвинул её к краю, глядя на аккуратно расставленные подписи. Всё шло по схеме:

- нужные формулировки внесены,
- ответственность размазана,
- логика документа такая, что любой проверяющий сочтёт решение «единственно разумным».

Оставалось только одно формальное согласование – подпись Петровича. Человек-печать, человек-штамп, человек-«я-тут-просто-расписываюсь». Он неторопливо поднялся, взял папку и вышел в коридор. В воздухе висел запах дешёвого кофе и вчерашних сплетен. Всё привычно, предсказуемо. Кабинет Петровича был приоткрыт. Он постучал ради приличия и вошёл, не дожидаясь ответа. Петрович сидел за столом, но выглядел иначе. Не как обычно – слегка помятый, с вечной тенью недосыпа, – а собранный, напряжённый. На столе – не кружка с чаем, а аккуратная стопка бумаг и телефон, положенный экраном вверх. Плохой знак.

– Доброе,

– сказал он, мягко, как всегда.

– Принёс то, что мы в прошлый раз обсуждали. Петрович не взял папку. Просто посмотрел сначала на неё, потом на него.

– В прошлый раз,

– медленно повторил он,

– мы это не обсуждали. Мир на секунду словно щёлкнул. Не громко, без драматической музыки

– просто тихий внутренний звук, который слышат только те, кто привык рассчитывать каждое движение. Он выдержал паузу ровно столько, чтобы не выдать удивление. – Ты устал, Петрович, – спокойно сказал он.

– Мы сидели вечером, ты ещё жаловался на сроки. Я могу напомнить, о чём шла речь, если...

– Я проверил журнал встреч,

– перебил тот.

– И переписку. В тот вечер я был дома. Это был второй щелчок. Первый можно списать на плохую память. Второй – уже нет. Он опустил папку на стол, чуть повернув её так, чтобы текст был виден Петровичу. Не отступление, а смена угла атаки.

– Хорошо,

– он чуть улыбнулся.

– Значит, я перепутал день. Бывает. Но документ всё равно нужно пройти

– сроки жмут.

– Странно,

– сказал Петрович, не глядя на бумаги.

– Потому что утром ко мне заходила служба безопасности. И очень интересовалась, кто именно инициировал изменения в этом контракте. Внутри всё стало кристально ясным. Не паника – чистая, холодная ясность. Кто-то дернул за нитку раньше, чем он планировал.

– Безопасность? – переспросил он ровно с тем оттенком удивления, который звучит у человека, не привыкшего, что его планы трогают чужие руки.

– С чего вдруг? Петрович подошёл к окну, будто разговор шёл сам по себе, а он просто оказался поблизости.

– Потому что кто-то,

– сказал он,

– очень умело раскидал ответственность в проекте. Настолько умело, что это заметили те, кто обычно ничего не замечает. Он почувствовал лёгкий холод в пальцах. Это был не страх, а злость на нарушение правил игры: он привык двигать фигуры, а не быть фигурой.

– Ты намекаешь на меня?

– спросил он тихо.

– Я ничего не намекаю,

– вздохнул Петрович.

– Но обычно такие ходы – не твоя ли это стихия? Молчание стало ещё одним участником разговора. Он быстро прикинул варианты:

- отрицать всё и делать вид, что впервые об этом слышит;

- признать часть, но подать её как «неудачную инициативу во благо компании»;

- или, что опаснее и интереснее, перевести фокус на того, кто первым побегал в безопасность. Он выбрал третье.

– Если безопасность уже здесь, – медленно начал он, – значит, кто-то очень торопится показать свою невиновность. Обычно так делают те, кто понимает, что под ними может загореться. Петрович чуть дёрнул щекой. Попал.

– Смотри,

– продолжил он мягко, забирая папку обратно.

– Ты знаешь меня сколько уже? Три года? Я ни разу не сделал шаг без того, чтобы не подстелить и тебе, и себе. Если здесь что-то и не так, я последний, кому выгодно шуметь. Он подвинул папку ближе к себе, словно сам себя лишил уликой.

– Но если безопасность уже пошла по следу,

– добавил он,

– им нужен кто-то, кто первым попадёт под раздачу. Ты уверен, что это должен быть ты? Пауза. Он чувствовал, как в голове Петровича стучат две мысли: «меня подставляют» и «лучше не лезть».

– Что ты предлагаешь?

– наконец спросил тот. Внутри у него всё расслабилось. Не полностью – игра ещё не закончилась, – но этого уже было достаточно, чтобы перевести дыхание.

– Оставь эту папку на мне, – сказал он.

– Формально я её ещё никуда не понёс. Официально – ты не видел документ. Если что, скажешь, что я работал напрямую с отделом.

– А ты? – прищурился Петрович.

– А я, – он чуть усмехнулся, – сам поговорю с безопасностью. У меня с ними свой язык. Это было наполовину правдой. У него действительно был язык – не с безопасностью, а с людьми, которые сидели между строк. Петрович колебался ещё секунду, потом кивнул.

– Делай как знаешь. Только втягивать меня больше не надо. Он развернулся к выходу, чувствуя на себе взгляд. В коридоре воздух казался плотнее. План сдвинулся: теперь вместо тихого, почти безрискового сценария у него на руках была активная угроза – и шанс. Он шёл, уже мысленно перекраивая конструкцию:

- кто мог «сдать» схему раньше времени;
- кому выгодно привлечь безопасность;
- кого можно подставить как «слишком усердного исполнителя», чтобы самому оказаться

тем, кто «героически разруливает кризис».

Ошибки он не любил. Но каждая ошибка была просто ещё одним ходом – если успеть первым назвать её чужой.

В отделе безопасности всегда было тихо. Не той мёртвой тишиной, где люди боятся дышать, а плотной – как будто стены слушают лучше, чем камеры.

Он постучал для вида и вошёл, держа папку под мышкой.

За столом, на его месте, где раньше сидела уставшая женщина с глазами, привыкшими к мелким кражам и пьянству охраны, теперь был другой человек.

Незнакомый.

Без пиджака, в светлой рубашке, закатанные рукава, на столе – не кипа бумаг, а аккуратный ноутбук и кружка без логотипов.

Он поднял голову, и первым, что бросилось в глаза, было отсутствие привычного в таких кабинетах выражения: ни раздражения, ни скуки, ни показной важности. Просто интерес.

– Ты, должно быть, тот самый, – сказал незнакомец, глядя прямо, без попытки продать взглядом. – С папкой.

Он на долю секунды ощутил, как почва под ногами меняет наклон.

– А ты, должно быть, тот, из-за кого у нас сегодня все ходят напряжённые, – ответил он ровно. – Новый?

– Можно и так сказать, – незнакомец чуть улыбнулся. – Временная проверка рисков. Зовут меня Сергей.

Он не протянул руку первым, и это был маленький, но показательный жест: не навязывать теплоты, но и не строить барьеров.

– Я по контракту, – он положил папку на стол между ними. – Сказали, у вас появились вопросы.

Сергей не спешил её открывать. Сначала изучал его – лицо, позу, как лежат пальцы на корешке папки.

Это был взгляд не чиновника, а человека, который привык собирать людей как улики.

– У меня всегда много вопросов, – спокойно сказал он. – Особенно когда документ выглядит слишком аккуратно.

Он почувствовал знакомое раздражение: аккуратность была его комплиментом самому себе, его подписью. И этот человек увидел её с первого взгляда.

– Это плохо? – мягко спросил он. – Мы же вроде работаем ради порядка.

– Порядок, – кивнул Сергей, – это когда можно проследить, кто и когда принял решение. А тут... – он наконец открыл папку, бегло взглянул на пару страниц, – тут как-то слишком дружно все отвечают «немножко».

Он пожал плечами.

– Командная работа. Нас этому учат.

Сергей усмехнулся краем губ.

– Забавно. Меня учили другому: если все отвечают «немножко», обычно есть тот, кто отвечает «целиком», но молчит.

Они некоторое время смотрели друг на друга.

В этом взгляде не было открытой вражды – скорее признание: «я вижу, что ты не простой» и ответное «я вижу, что и ты тоже»

– Ладно, – Сергей откинулся на спинку стула. – Давай так. Ты рассказываешь мне, как оно должно работать в идеальном мире. Я рассказываю, что вижу в реальном. А потом решаем, кто из нас ошибается.

Он понял, что прямой лобовой ложью тут не отделаешься.

Этот человек не из тех, кто поверит первому же «мы всё согласовали на прошлой неделе». Ему нужны не слова, а несовпадения.

– В идеальном мире, – начал он, спокойно, как будто диктовал инструкцию, – подрядчик выполняет работу, компания получает результат, все довольны, никто не уходит в минус. В реальном мире кто-то всегда хочет обезопасить себя на случай, если что-то пойдёт не так.

Сергей кивнул, внимательно слушая, не перебивая.

– Поэтому ты раскидываешь ответственность? – уточнил он.

– Поэтому я делаю так, чтобы один чужой просчёт не похоронил сразу троих, – мягко поправил он. – Это не преступление, это инстинкт самосохранения.

Сергей на секунду задумался, потом закрыл папку ладонью.

– Видишь, – сказал он тихо, – вот в этом мы с тобой похожи. Я тоже не люблю, когда невинные летят вместе с виноватыми.

Он чуть наклонился вперёд.

– Разница в том, что я пытаюсь найти, кто всё начал, а ты – сделать так, чтобы его не было видно.

Эта фраза почему-то зазвенела сильнее всех предыдущих.

В ней не было обвинения. Там было описание ролей.

– А если тот, кто всё начал, – не худший из всех? – спросил он. – Если система сама толкает его делать такие ходы?

Сергей усмехнулся, но в улыбке было что-то усталое.

– Тогда у нас с тобой будет длинный разговор, – ответил он. – Потому что ты явно умнее, чем просто «исполнитель схем». И мне интересно, кого именно ты защищаешь: себя, их... или свою веру в то, что всё можно просчитать.

Он впервые за долгое время ощутил не только угрозу, но и любопытство.

Этот человек не просто в игре – он понимал правила на том же уровне.

– Допустим, – сказал он спокойно, – я готов к такому разговору.

– Прекрасно, – кивнул Сергей. – Тогда начнём с простого. Скажи мне одну честную вещь. Не документ, не формулировку. Просто факт.

Он задумался на долю секунды.

«Они ждут меня. Кот тоже» – всплыло в памяти неожиданно ясно.

– Факт? – он посмотрел Сергею прямо в глаза. – Я не люблю, когда страдают те, кто не выбирал эту игру.

Сергей посмотрел на него пристально, как будто взвешивал ответ.

– Хорошее начало, – сказал он. – Посмотрим, сколько из этого останется, когда мы докопаемся до конца.

Он вышел из кабинета с пустыми руками – папка осталась на столе.

Обычно это означало проигрыш.

Но на этот раз он чувствовал не поражение, а то странное, давно забытое ощущение, когда встречаешь соперника, который действительно стоит того, чтобы играть дальше.

Он не любил оставлять ходы без продолжения.

Разговор с Сергеем был слишком открытым, почти честным – а честность всегда казалась ему не завершением, а только подготовкой к настоящей партии.

Вечером он нашёл предлог зайти в отдел безопасности ещё раз. Формально – принести недостающие бумаги по смежному договору. Неформально – проверить, насколько легко новый «проверяющий рисков» поддаётся на тонкие наводки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.